

На правах рукописи

ГОЛУБЕВА Алина Юрьевна

**КОНВЕРСИЯ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ: УЗУС И  
ОККАЗИОНАЛЬНОСТЬ**

Специальность 10.02.19 – теория языка

**АВТОРЕФЕРАТ**

диссертации на соискание учёной степени  
кандидата филологических наук

Воронеж – 2014

Диссертация выполнена в ФГАОУ ВПО  
«Южный федеральный университет»

**Научный руководитель:** доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры романо-германской филологии ФГАОУ ВПО «Южный федеральный университет»  
**Кравцов Сергей Михайлович**

**Официальные оппоненты:** **Буянова Людмила Юрьевна**  
доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет», профессор кафедры общего и славяно-русского языкознания

**Шапвалова Александра Петровна**  
доктор филологических наук, профессор, НОУ ВПО «Ростовский институт иностранных языков», заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики

**Ведущая организация:** **ФГБОУ ВПО «Юго-Западный государственный университет», кафедра теоретической и прикладной лингвистики**

Защита состоится « 29 мая » 2014 г., в 13 часов 30 минут, на заседании диссертационного совета Д 212.038.07 в ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет» по адресу: 394006, г. Воронеж, пл. Ленина, 10, аудитория 85.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Воронежского государственного университета.

Автореферат разослан

Учёный секретарь  
диссертационного совета

Голицына Татьяна Николаевна

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертация посвящена исследованию конверсии в словообразовании через призму её отношения к языку на материале языков синтетического и аналитического типа.

В современную эпоху обогащение словарного состава языков приобретает особое значение. Его развитию способствуют как внутренние источники (изменение семантики слов, образование новых лексических единиц), так и внешний (заимствование лексических единиц из других языков). Словообразование, являющееся одним из важных путей его пополнения, предполагает возникновение новых единиц обычно на основе однокорневых лексем с изменением плана выражения последних путём присоединения к ним аффиксов или без него.

Среди способов словопроизводства, существующих в различных языках, следует выделить конверсию, отличающуюся от других способов тем, что посредством её создаётся новая (производная) лексема с полным сохранением формы производящей. Отсутствие каких-либо словообразовательных элементов в данном случае обуславливает простоту, экономичность и, следовательно, продуктивность конверсии. Названные особенности, а также её универсальный характер объясняют интерес лингвистов к изучению конверсии в разных языках мира. Так, на материале русского языка она исследуется В.В. Виноградовым, Е.А. Земской, Е.С. Кубряковой, В.В. Лопатиным, И.Г. Милославским, В.М. Никитевичем, М.А. Шелякиным и др., на материале французского – Ш. Балли, В.Г. Гаком, Д.Б. Исмаиловой, Н.М. Клеймёновой, М. Коэном, Т.В. Кравцовой, А.А. Ларькиной, З.Н. Левитом, Н.Н. Лопатниковой, Н.А. Мовшович, Ю.С. Степановым и др., на материале английского – М.С. Асановой, Ю.А. Жлуктенко, О.Г. Ильинской, Г. Марчандом, Э.А. Сайдашевой, А.И. Смирницким и др., на материале немецкого – Г.Р. Искандровой, Е.В. Прунтовой, Л.А. Юшковой и др., на материале испанского – Н.Д. Арутюновой, В.А. Иовенко и др.

С целью анализа конверсии как универсального феномена, а также выявления её национальных особенностей некоторые учёные отдельно исследуют данный способ словообразования на материале нескольких языков: русского и английского (О.Г. Ильинская), русского и татарского (А.Ф. Гайнутдинова), немецкого и башкирского (Г.Р. Искандрова), французского и татарского (Д.Б. Исмаилова) и т.д. Всё вышесказанное свидетельствует о необходимости и значимости изучения конверсии для развития лингвистики, что обуславливает **актуальность** данного диссертационного труда.

**Объектом исследования** является конверсия как один из способов словообразования на материале языка синтетического типа (русского) и языка аналитического типа (французского).

**Предметом** исследования служит типология видов узуальной иokkaзиональной конверсии в словообразовании на материале данных языков.

**Материалом** для исследования узуальной конверсии послужила картотека русских и французских дериватов, образованных данным способом и отобранных путём сплошной выборки из словарей русского и французского языков, таких как «Толковый словарь русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шве-

довой, «Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный» Т.Ф. Ефремовой, «Словарь современного русского литературного языка» Академии Наук СССР в 17-и томах, «Французско-русский словарь активного типа» под редакцией В.Г. Гака и Ж. Триомфа, толковые словари французского языка «Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française» (Le Robert) и «Le Petit Larousse illustré». Карточка включает в себя 3250 лексем (1320 русских и 1930 французских).

Материалом для исследования окказиональной конверсии послужила карточка, содержащая 100 дериватов (58 русских и 42 французских), отобранных из произведений художественной литературы русских и французских авторов XIX - XXI веков и зафиксированных в 85 контекстах их употребления (соответственно в 50 и 35).

**Цель** настоящей работы заключается в исследовании видов узуальной и окказиональной конверсии в словообразовании для выявления на фоне интегральных её дифференциальных признаков в языке синтетического и языке аналитического типа.

Достижение данной цели предполагает решение следующих **задач**:

1) установить в образовании слов знаменательных частей речи интегральные и дифференциальные признаки узуальной конверсии в языке синтетического и языке аналитического типа;

2) выявить в образовании слов служебных частей речи интегральные и дифференциальные признаки узуальной конверсии в языке синтетического и языке аналитического типа;

3) установить интегральные и дифференциальные признаки узуальной интеръективации в языке синтетического и языке аналитического типа;

4) исследовать окказиональную конверсию в произведениях русской и французской художественной литературы в соотношении с узуальной.

**Методология** настоящего диссертационного исследования основывается на общей философской, общенаучной и частной методологии. Согласно общей философской методологии язык рассматривается в работе как объективная, постоянно развивающаяся система, что проявляется, в частности, в изменении его лексического состава по причине словообразовательного процесса в нём.

С учётом общенаучной методологии в ходе исследования использовались собственно лингвистические данные, а также привлекались сведения из других наук – экономических, физики, биологии. Таким образом, затронутые в настоящей работе вопросы рассматриваются в свете современной интегральной парадигмы междисциплинарного научного знания.

Частная методология данного исследования формируется под влиянием принципов и точек зрения, отражённых в трудах по определению места словообразования в модели языка (Ш. Балли, Г.В. Белякова, Л.Ю. Буянова, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, Е.А. Земская, В.Н. Немченко, О.Б. Полянчук, И.С. Улуханов, Н.М. Шанский, Н.А. Янко-Триницкая и др.), по характеристике конверсии как способа словообразования и транспозиции (М. Докулил, М. Коэн, Е.С. Кубрякова, Е. Курилович, В.В. Лопатин, Г. Марчанд, И.А. Мельчук, И.Г.

Милославский, Кр. Ниро, А.И. Смирницкий, Г.Г. Соколова, М.А. Шелякин и др.), по исследованию проблем теории языка на материале русского и французского языков (В.Г. Гак, С.М. Кравцов, Ю.С. Степанов, А.П. Шаповалова и др.), по окказиональному словообразованию (Е.А. Земская, А.В. Стахеева, Э.И. Ханпира и др.).

**Методами**, используемыми в работе, являются описательный, сопоставительный, контекстологический и компонентный анализ. Описательный метод помогает установить сущность изучаемого объекта с помощью приёмов наблюдения, обобщения, интерпретации и классификации. Сопоставительный позволяет сравнить деривационное значение русских и французских слов, образованных путём конверсии, и обнаружить его национальную специфику. Контекстологический метод даёт возможность определить значение мотивированной лексемы в конкретном контексте художественного произведения. Компонентный анализ позволяет расчленить семантическую структуру мотивированных лексем и выявить сходство и различие в их значении.

**Положения, выносимые на защиту:**

1. С учётом принадлежности слов, образованных путём узуальной конверсии, к знаменательным частям речи в языке синтетического и языке аналитического типа устанавливаются такие её виды, как субстантивация, адъективация, адвербиализация. Наиболее продуктивным из них в обоих языках является субстантивация, наименее продуктивным – адвербиализация. Существительные образуются в языках обоих типов на основе прилагательных (качественных и относительных), глагольных словоформ (причастий и инфинитивов), числительных, наречий и служебных слов (предлогов, союзов, частиц); прилагательные – на основе глагольных словоформ, числительных и существительных; наречия – на основе прилагательных, предлогов и существительных. Тем не менее, субстантивация и адъективация более распространены в языке аналитического типа благодаря тому, что в нём в класс существительных активнее переходят глаголы в форме инфинитива и союзы, а в класс прилагательных транспонируются ещё наречия. Адвербиализация, напротив, более распространена в языке синтетического типа, ибо её производящая база включает в себя деепричастия, а также большее число прилагательных и предлогов. В целом образование путём конверсии лексем знаменательных частей речи, формирующих основу словарного состава, гораздо более продуктивно в языке аналитического типа, поскольку аналитизм проявляется в морфологической неизменяемости слова, в результате чего у лексем всех частей речи (кроме глаголов) отсутствуют явные морфологические показатели.

2. В зависимости от принадлежности слов, образованных посредством узуальной конверсии, к служебным частям речи в языке синтетического и языке аналитического типа выделяются такие её виды, как препозиционализация, конъюнкционализация. Предлоги образуются в обоих языках на базе глагольных словоформ (деепричастий настоящего времени в языке синтетического типа и причастий настоящего и прошедшего времени в языке аналитического типа), союзы – на базе наречий. Однако препозиционализация и конъюнкцио-

нализация более распространены в языке синтетического типа, ибо в нём в разряд предлогов, кроме глагольных словоформ, переходят наречия, а в разряд союзов, кроме наречий, – существительные. Партикуляция отмечается только в языке синтетического типа, т.к. в языке аналитического типа частица служит не только для образования определённой формы слова, входя в его состав, но и для связи слов, что не свойственно лексемам знаменательных частей речи. Кроме того, в языке синтетического типа частицы более многочисленны, поскольку некоторым из них в языке аналитического типа соответствуют цельно-оформленные лексемы других частей речи или аналитические конструкции. В общей сложности образование посредством конверсии слов служебных частей речи значительно более распространено в языке синтетического типа, ибо аналитизм проявляется также в наличии среди таких лексем многочисленных сложных форм, существование которых обусловлено морфологической неизменяемостью слова.

3. Интеръективация как переход слов в класс междометий, не являющихся ни знаменательными, ни служебными лексемами, устанавливается в языках обоих типов. Тем не менее, в языке аналитического типа узуальная интеръективация более распространена и реализуется на основе существительных, глагольных словоформ и прилагательных, в то время как в языке синтетического типа – только на основе существительных и глагольных словоформ. В целом конверсия продуктивна в языках обоих типов, однако, в общей сложности она более распространена в аналитическом языке.

4. Будучи узуальным видом словообразования, конверсия может носить окказиональный характер. Окказиональная конверсия, реализующаяся в произведении того или иного автора, в определённом контексте, предполагает в большинстве случаев образование индивидуальных лексических единиц в соответствии с видами узуальной конверсии. В произведениях русской и французской художественной литературы окказиональная конверсия не очень распространена. Наиболее продуктивным видом окказиональной конверсии, как и узуальной, является субстантивация. После неё по степени продуктивности в произведениях русских авторов отмечается адвербиализация, а в произведениях французских авторов – интеръективация, что полностью соответствует степени распространённости данных видов конверсии в языках обоих типов, когда речь идёт об узуальной конверсии. Выявляются также случаи окказиональной адъективации и, кроме того, в русской художественной литературе – случаи вербализации. Встречаются окказионализмы, образованные от индивидуально-авторских словоформ, а также от некоторых существующих в языке словоформ, не являющихся основой для производства лексем путём узуальной конверсии. В общей сложности окказиональная конверсия более распространена в произведениях русских авторов. Употребление окказиональных лексем, рождённых посредством конверсии, помогает автору более эффективно реализовать определённую прагматическую интенцию: охарактеризовать персонаж или объект окружающего мира, придать выразительности и эмоциональности речи, отразить настроение и мысли героя, воздействовать на читателя.

**Научная новизна** исследования состоит в том, что в нём впервые произведён комплексный анализ конверсии, являющейся одним из универсальных способов словообразования, на материале двух разноструктурных языков – русского и французского. Анализ, основывающийся, прежде всего, на исследовании конверсии по отношению к системе языка, позволил обнаружить на фоне общих признаков национальные признаки конверсии, обусловленные типологическими особенностями данных языков. В работе впервые определяется степень продуктивности образования путём узуальной конверсии лексем знаменательных и служебных частей речи, а также междометий в русском и французском языках. В диссертации также впервые рассматривается механизм образования посредством окказиональной конверсии индивидуально-авторских слов в произведениях русской и французской художественной литературы, выявляется его соответствие / несоответствие видам узуальной конверсии в обоих языках.

**Теоретическая значимость** исследования заключается в дальнейшем развитии теории языка, таких областей языкознания, как словообразование, лексикология, морфология, этимология. Результаты анализа видов и подвидов конверсии на материале языков синтетического и аналитического типа (соответственно русского и французского) вносят вклад в разработку проблемы, связанной с определением места словообразования в модели языка, в изучение продуктивного и непродуктивного словообразования, а также в исследование основных словообразовательных значений в языках мира. Анализ конверсии через призму её отношения к системе языка способствует решению проблемы взаимосвязи языка и речи, образующих единый феномен.

**Практическая ценность** исследования состоит в возможности использования его результатов и материалов в процессе преподавания, прежде всего, теории языка, а также практического курса русского и французского языков, спецкурсов по словообразованию, лексикологии, морфологии данных языков, элективного курса по филологическому анализу текста. Материалы исследования могут найти своё применение при создании этимологического словаря.

**Апробация работы.** По материалам диссертации опубликовано восемь работ, три из которых – в журналах из перечня ведущих периодических изданий, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ. Основные теоретические положения диссертации, фрагменты её содержания апробированы на Международной научно-практической конференции «Русский язык в контексте межкультурной коммуникации» (Самара, 2011), на Международной научной конференции «Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики» (Екатеринбург, 2012), на Международной научно-методической конференции «Личность, речь и юридическая практика» (Ростов-на-Дону, 2013), на научно-методических семинарах кафедры русского языка и теории языка Южного федерального университета в 2011–2013 годах, а также в статьях, включённых в рецензируемый журнал «Известия Ростовского государственного строительного университета» (Ростов-на-Дону, 2011) и рецензируемый межвузовский сбор-

ник научных трудов «Актуальные вопросы французской и отечественной филологии» (Ростов-на-Дону, 2012).

**Структура работы.** Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка, списка источников из художественной литературы и приложения. Общий объём диссертации составляет 169 страниц.

Во введении обосновываются актуальность исследования, его научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность, определяются его объект и предмет, формулируются его цель и задачи, представляются материал для исследования, методы исследования, положения, выносимые на защиту, указывается методологическая база, отражается структура работы, содержатся сведения об апробации результатов исследования.

В первой главе **«Общая характеристика конверсии как способа словообразования»** изложены теоретические основы исследования, раскрывается сущность первостепенных для данной работы понятий.

Ввиду своей полисемичности термин «конверсия» (от латинского «*conversio*» – изменение, превращение), подобно некоторым другим, таким как «ассимиляция», «функция» и т.д., обладает междисциплинарным статусом. Первичным значением данной лексемы, как отмечается в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, является результат или процесс действия, заключающегося в семантической структуре глагола «конвертировать» – «произвести (производить) перерасчёт, а также вообще изменить (изменить), превращая в новый вид, в новое качество». Будучи ёмким и непосредственно связанным с универсальным представлением о динамике, движении, оно послужило основой для образования производных значений данного термина, используемых в различных областях современной науки. Так, например, конверсия – одно из понятий экономики, на что указывает помета «экон.», сопровождающая дефиницию лексемы в «Толковом словаре русского языка начала XXI века» под редакцией Г.Н. Складневской: «Конверсия. 1. Экон. Перевод предприятий оборонной промышленности на производство гражданской продукции». Конверсия представляет определённый интерес и для специалистов в области такой науки, как физика, что подтверждается «Физической энциклопедией»: «конверсия внутренняя – явление, при котором энергия, высвобождаемая при электромагнитном переходе возбуждённого атомного ядра с энергией  $E_n$  в состояние с меньшей энергией  $E_k$ , передаётся в результате электромагнитного взаимодействия одному из электронов, который покидает атом (конверсионный электрон)».

Понятие конверсии актуально также для такой науки, как биология. В «Биологическом энциклопедическом словаре», например, оно объективируется в отдельно оформленном термине «конверсия фаговая», трактуемом как «изменение признаков бактерии при поражении бактериофагом».

Конверсия является объектом исследования в области языкознания, тем не менее, в источниках, фиксирующих лексему «конверсия», наблюдается различие объёма её интерпретации. Так, в «Лингвистическом энциклопедическом

словаре» под редакцией В.Н. Ярцевой (ЛЭС) трактовка конверсии предполагает её реализацию в грамматике, лексике и словообразовании.

В грамматике и лексике конверсия – это «способ выражения субъектно-объектных отношений в эквивалентных по смыслу предложениях» [ЛЭС]. В грамматике она «проявляется в залоге (в соотносительных структурах активной и пассивной конструкций) и выражается формами одного слова – так называемыми грамматическими конверсивами: «Насос *накачивает* воду в резервуар» ↔ «Вода *накачивается* насосом в резервуар» [ЛЭС].

В лексике конверсия реализуется посредством разных слов – лексических конверсивов, передающих двусторонние субъектно-объектные отношения и обладающих в силу этого как минимум двумя валентностями: «Наши хоккеисты *превосходят* соперников в скорости» ↔ «Соперники *уступают* нашим хоккеистам в скорости» [ЛЭС].

Конверсия интерпретируется как «способ словообразования без использования специальных словообразовательных аффиксов; разновидность транспозиции, при которой переход слова из одной части речи в другую происходит так, что назывная форма слова одной части речи (или его основа) используется без всякого материального изменения в качестве представителя другой части речи» (франц. «*être*» – «быть» и «*un être*» – «существо») [ЛЭС].

Большинство российских и зарубежных исследователей (Н.Д. Арутюнова, О.С. Ахманова, В.Г. Гак, Ю.А. Жлуктенко, Е.С. Кубрякова, В.М. Никитевич, Г. Марчанд и др.), рассматривает конверсию в качестве объекта словообразования. Общим в их интерпретации конверсии можно считать то, что она является способом образования нового слова (деривата) путём изменения парадигмы окончаний производящей базы. Результатом такого изменения служит перевод (транспозиция) производящей лексической единицы в другую часть речи.

Принадлежность конверсии к дериватологии подтверждается, прежде всего, тем, что посредством данного способа, как и посредством других способов дериватологии, образуется слово, необходимое для номинации возникшей в социуме новой реалии. Так, например, работники, появившиеся в обществе с целью обслуживания лифтов, стали обозначаться лексемой «лифтёр», образованной при помощи суффиксации от слова «лифт», а потребность в номинации появившихся в России учреждений общественного питания, в которых подаются популярные в нашей стране пельмени, обусловила рождение путём конверсии лексемы «пельменная». Отдельное место существительного «пельменная» в системе языка фиксируется в «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой, в «Словаре современного русского литературного языка» Академии Наук СССР. Его возникновение в языке можно представить следующим образом: существительное «пельмени» («маленькие пирожки из пресного теста с мясной начинкой») → произведённое от него путём суффиксации прилагательное «пельменный, -ая, -ое» («относящийся к пельменям» – «пельменный запах», «пельменная начинка», «пельменное тесто») → произведённое от этого прилагательного путём конверсии существительное «пельменная» («закусочная, где подаются пельмени»). Данное слово, образованное с помощью кон-

версии от формы женского рода прилагательного «пельменный», приобрело иные морфологические и синтаксические признаки. Так, в отличие от производящего прилагательного, оно обладает только формой женского рода, а в предложении может употребляться в качестве подлежащего («*Пельменная уже открылась*»), обстоятельства места («*Он пообедал в пельменной*»). Как видно, в результате появления посредством конверсии новой лексемы ею приобретаются определённые, соответствующие классу слов, к которому она принадлежит, синтаксические характеристики. Следовательно, конверсия не только имеет словообразовательную природу, но и обуславливает синтаксические признаки произведённых с её помощью лексических единиц.

Дефиниции конверсии в словообразовании различаются в зависимости от того, как исследователи рассматривают соотношение производящего (мотивирующего, базового, исходного) и производного (мотивированного, результативного) слов. В работе употребляется термин «конверсия», интерпретирующийся как такой неаффиксальный способ словообразования, при котором производная лексема, появляющаяся в результате перевода цельнооформленной производящей (либо её словоформы, т.е. определённой грамматической формы) в другую часть речи, полностью сохраняет план выражения последней, но приобретает новые морфологические и синтаксические функции.

Вопрос соотношения понятий конверсии и транспозиции остаётся нерешённым в современной лингвистике. Большинство исследователей, среди которых Е.С. Кубрякова, Г. Марчанд, Л.Н. Мурзин, Ю.С. Степанов и др., трактует конверсию как разновидность транспозиции. Тем не менее, В.М. Никитевич противопоставляет их, а В.Г. Гак считает их взаимозаменяемыми. В отличие от термина «конверсия» термин «транспозиция» признаётся всеми лингвистами, что свидетельствует о важности для развития языка означаемого им явления.

Транспозиция понимается исследователями широко или узко. В широком смысле она рассматривается как перенос любой языковой формы, например, транспозиция времён (использование настоящего времени вместо прошедшего или будущего), наклонений (употребление императива в значении индикатива или условного наклонения), коммуникативных типов предложения (употребление вопросительного предложения в значении повествовательного) и т.д.

В узком смысле транспозиция, или функциональная транспозиция, представляет собой употребление слова в функции другой части речи либо перевод его (или его основы) из одной части речи в другую. Различаются два этапа данного процесса: 1) неполная, или синтаксическая, транспозиция, при которой изменяется лишь синтаксическая функция исходной единицы без изменения её принадлежности к части речи, транспозитором в данном случае является словоформа («отец» → «дом *отца*»), десемантизированное слово в полуслужебной функции («старый» → «старый *человек*», т.е. «старик»), окружение («я живу на *втором* [этаже]»); 2) полная, или морфологическая, транспозиция, при которой образуется слово новой части речи. Её транспозитором является аффиксация или конверсия [ЛЭС]. При узкой интерпретации транспозиции, следовательно,

конверсия может квалифицироваться как один из её видов – полная, или морфологическая (безаффиксная), транспозиция.

Конверсия с учётом участия / неучастия аффиксов в производстве новой лексемы является неаффиксальным способом словообразования. С учётом характера изменения свойств исходной лексемы в процессе производства результативной она рассматривается как морфолого-синтаксический способ словообразования. Конверсия относится к транспозиционным словообразовательным типам. Средством выражения деривационного значения при конверсии служит изменение парадигмы производящей лексемы.

Сопоставление конверсии с омонимией является актуальным, ибо ввиду идентичности форм лексических омонимов и слов, связанных отношениями конверсии, данные понятия не всегда разграничиваются лингвистами. Конверсия, которая охватывает слова, имеющие общий корень и семантически связанные, отделяется от омонимии, распространяющейся на слова, лишившиеся общих элементов смысла. Проблема разграничения этих понятий обуславливается, в частности, отсутствием единства у учёных в понимании омонимии. В одних источниках, омонимы трактуются как слова, не имеющие общих сем, и отграничиваются от слов, связанных отношениями конверсии [ЛЭС], в других – как слова, разные по значению [Валгина, Розенталь, Фомина 2002; Lopatnikova, Movchovitch 2001]. В последней трактовке омонимов допускается семантическое сходство данных лексических единиц, что становится причиной отнесения к ним производящих и образованных от них путём конверсии производных [Lopatnikova, Movchovitch 2001].

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» объединённые отношениями омонимии слова – лексические омонимы – рассматриваются как языковые единицы, не имеющие общих элементов смысла, не связанные ассоциативно, но одинаковые по звучанию и написанию [ЛЭС].

Они традиционно разделяются лингвистами на полные и неполные (частичные). Полные лексические омонимы представляют собой принадлежащие к одному грамматическому классу, т.е. к одной части речи, слова, у которых совпадает вся система форм. Такие, например, слова, как *коса* («вид причёски»), *коса* («сельскохозяйственное орудие») и *коса* («мыс, полоса земли»); *топить* («обогреть»), *топить* («долго кипятить на лёгком жару») и *топить* («заставлять тонуть»), являются полными лексическими омонимами. В каждой из перечисленных групп они относятся к одной части речи, поэтому никоим образом не могут быть связаны с конверсией.

Полная омонимия существует и во французском языке, большей частью в классе существительных. К полным лексическим омонимам следует отнести, например, слова *un cousin* («двоюродный брат») и *un cousin* («комар»), *un avocat* («адвокат») и *un avocat* («авокадо»).

Частичные лексические омонимы характеризуются тем, что различные по значению слова совпадают в звучании и написании только в отдельных формах, поэтому их называют ещё омоформами [ЛЭС], или тем, что, кроме своих значений, отличаются друг от друга ещё каким-либо признаком, например, числом

или родом [Lopatnikova, Movchovitch 2001]. К ним, например, могут быть отнесены такие слова, как *пал* («лесной, полевой или степной пожар») и *пал* { («свая или чугунная тумба, к которой канатами прикрепляют судно во время стоянки») (от гол. «раал» – «столб, свая») }, совпадающие в форме единственного числа. Во множественном числе эти слова различаются ударением: *пал* – *палы́* (первая омоформа) и *пал* – *пáлы* (вторая омоформа). Не совпадают также все формы у омонимов *завод* (действие по глаголу «заводить») и *завод* («промышленное предприятие»), ибо первый из них (абстрактный по значению) не имеет формы множественного числа. Во французском языке неполная омонимия, как и полная, представлена, прежде всего, существительными: *une mousse* (ж. р.) («мох») и *un mousse* (м. р.) («юнга»); *une tour* (ж. р.) («баашня»), *un tour* (м. р.) («токарный станок») и *un tour* (м. р.) («окружность»).

Омонимия отграничивается в настоящем исследовании от конверсии, поскольку лексические омонимы, в отличие от слов, объединённых отношениями конверсии, не имеют общих элементов смысла.

Во второй главе «**Конверсия по отношению к системе языка**» исследуются способы словообразования по отношению к системе языка, виды узуальной и окказиональной конверсии.

При исследовании способов словообразования с точки зрения синхронии необходимо учитывать их отношение к системе языка, в соответствии с чем они подразделяются на узуальные и окказиональные [Современный русский язык 2002]. Узуальные (от латинского «usus» – употребление, обычай) способы фиксируются в системе языка в силу их общепринятого использования, а окказиональные (от латинского «occasionalis» – случайный) характерны для индивидуального словотворчества, в результате чего они часто применяются в художественных произведениях. Следовательно, узуальные и окказиональные способы деривации могут быть противопоставлены в качестве системно-языкового и речевого явлений.

Понятие узуса, тесно связанное с понятиями языковой нормы и языковой системы, обуславливает фиксацию толковыми словарями лексических единиц, созданных с помощью общеупотребительных способов. К узуальным способам словообразования справедливо относятся аффиксальные и безаффиксные, последние из которых включают в себя сложение, сращение, аббревиацию, усечение и субстантивацию [Современный русский язык 2002]. Понимая субстантивацию как один из видов конверсии, можно утверждать, что конверсия, будучи безаффиксным способом словообразования, относится к числу узуальных.

С учётом принадлежности слов, образованных путём узуальной конверсии, к знаменательным частям речи в русском и французском языках устанавливаются такие её виды, как субстантивация, адъективация, адвербиализация. В работе не исследуются вербализация и прономинализация, ибо в соответствии с принятой нами трактовкой конверсии данные её виды отсутствуют в русском и французском языках. Согласно точке зрения Д.Э. Розенталя и М.А. Теленковой, слова других частей речи, перешедшие в разряд глаголов, не приобретают соответствующего морфологического выражения, а выполняют функцию гла-

гольного сказуемого. Следовательно, речь не идёт об образовании глаголов на базе других частей речи (например, «Татьяна – ах!» вместо «Татьяна ахнула») [2003]. Междометие «ах» употребляется в функции сказуемого, но не имеет плана выражения, свойственного глаголу, в результате чего в толковых словарях русского языка данная лексема не фиксируется в значении глагола.

Во французском языке В.Г. Гак относит к конверсии переход существительного в определённую словоформу глагола: «un clou» (существительное «гвоздь») → «il cloue» (форма 3-го лица ед. ч. настоящего времени глагола «clouer» – «заколачивать гвоздями») [1983]. В данном случае речь идёт об аффиксальном переходе существительного «un clou» в глагол «clouer» (с использованием аффикса «er»), чья указанная выше грамматическая форма рассматривается В.Г. Гаком как образованная посредством конверсии отдельная лексема.

Нами не рассматривается прономинализация, ибо местоимения отличаются от других знаменательных лексем тем, что они не обозначают лиц, предметов, явлений, их признаков, количества, порядка по счёту, а лишь указывают на них. К местоимениям традиционно относят имена – существительные, прилагательные, числительные. Кроме того, как отмечается в Лингвистическом энциклопедическом словаре, данный класс единиц входит в более широкий лексико-семантический класс местоименных слов наряду с местоименными наречиями и местоименными глаголами. Иногда все они в расширительном смысле называются местоимениями. В учебнике «Современный русский язык» под редакцией В.А. Белошапковой, в котором местоименные слова распределяются среди существительных, прилагательных, числительных и наречий, уточняется, что «при обсуждении вопроса о частях речи в русском языке местоименным словам было отказано в статусе особой части речи» [1989].

Образование путём конверсии лексем знаменательных частей речи, формирующих основу словарного состава, гораздо более продуктивно во французском языке в силу такой его типологической особенности, как аналитизм, который, в отличие от русского синтетизма, проявляется в морфологической неизменяемости слова, в результате чего у лексем всех частей речи (кроме глаголов) отсутствуют явные морфологические показатели.

Существительные образуются в русском и французском языках, прежде всего, на основе прилагательных. В данном случае можно выделить общие для обоих языков деривационные значения и словообразовательные типы: 1) наименование лица по одному из его внутренних признаков, названных производящим качественным прилагательным (*больной, скупой* и их французские эквиваленты *un malade, un avare*); 2) обозначение лица по месту, в котором оно проживает, на основе относительного прилагательного, образованного от существительного (*городской, деревенский* и их французские эквиваленты *un citadin, un villageois*); 3) наименование посредством существительного, употребляющегося только в форме единственного числа, обобщённого понятия – носителя признака, названного производящим прилагательным (*настоящее, будущее*, и их французские эквиваленты *le présent, le futur*); 4) обозначение различных лекарств, блюд и кушаний на базе прилагательных разной структуры

{*снотворное* и его французский эквивалент *un dormitif*, сладкое и его французский эквивалент *le sucré*; 5) научное наименование единиц классификации животных и растений, обычно объективирующееся существительным в форме множественного числа (*ракообразные, перепончатопалые*, и их французские эквиваленты *les crustacés, les palmipèdes*).

Тем не менее, следует выделить деривационные значения отадективных субстантивов, существующие только в русском языке: 1) наименование помещения по лицу, для которого оно предназначено, на основе прилагательного, образованного от существительного (*ординааторская, учительская*); 2) наименование помещения по предмету, с которым оно связано, на основе прилагательного, образованного от существительного (*ванная, душевая*).

Во французском языке безэквивалентных деривационных значений отадективных субстантивов гораздо больше: 1) наименование цвета на основе качественного прилагательного, обозначающего цвет {*le bleu* («синий цвет» от «*bleu*» – «синий»), *le vert* («зелёный цвет» от «*vert*» – «зелёный»); 2) наименование конкретного вещества определённого цвета на основе качественного прилагательного, обозначающего этот цвет {*un blanc* («белила» от «*blanc*» – «белый»); 3) наименование обобщённой субстанции того или иного цвета на основе качественного прилагательного, обозначающего цвет {*le bleu* («синева, лазурь» от «*bleu*» – «синий»), *le noir* («темнота» от «*noir*» – «чёрный»)}; 4) наименование конкретной субстанции в зависимости от того, заполнена она или нет {*le plein* («полный объём» от «*plein*» – «полный»), *le vide* («пустое место» от «*vide*» – «пустой»)}; 5) наименование конкретного понятия – носителя признака, обозначенного основой исходного относительного прилагательного женского рода {*la nor-male* («норма» от «*normale*» – «нормальная»), *l'hivernale* («восхождение зимой на гору» от «*hivernale*» – «зимняя»)}; 6) наименование научных терминов по признаку, названному основой базового относительного прилагательного {*l'indicatif* («изъявительное наклонение» от «*indicatif*» – «указательный»), *le conditionnel* («условное наклонение» от «*conditionnel*» – «условный»), *le singulier* («единственное число» от «*singulier*» – «единственный»)}; 7) наименование определённого языка на основе мотивирующего относительного прилагательного {*l'allemand* («немецкий язык» от «*allemand*» – «немецкий»), *l'anglais* («английский язык» от «*anglais*» – «английский»)}; 8) наименование лица по национальному признаку, обозначенному производящим относительным прилагательным {*un Français* («француз» от «*français*» – «французский»), *un Russe* («русский, россиянин» от «*russe*» – «русский, российский»)}; 9) наименование лица (или группы лиц) – носителя признака, названного исходным относительным прилагательным {*un marginal* («маргинальная личность» от «*marginal*» – «маргинальный»), *un collectif* («коллектив» от «*collectif*» – «коллективный»)}; 10) наименование лица по одному из его внешних признаков, названных производящим качественным прилагательным {*un blond* («блондин» от «*blond*» – «белокурый»), *un brun* («брюнет» от «*brun*» – «черноволосый»)}; 11) наименование периодического издания по признаку, названному мотивирующим относительным прилагательным {*un quotidien* («ежедневное издание»

от «quotidien» – «ежедневный»), *un hebdomadaire* («еженедельное издание» от «hebdomadaire» – «еженедельный»); 12) наименование определённого места по признаку его расположения в пространстве, обозначенному производящим относительным прилагательным {*un littoral* («побережье» от «littoral» – «прибрежный»), *un souterrain* («подземный переход, туннель» от «souterrain» – «подземный»)}; 13) наименование искусственного вещества по характеризующему его признаку, названному основой базового отглагольного прилагательного {*un détersif* («моющее средство» от «détersif» – «моющий»), *un explosif* («взрывчатое вещество» от «explosif» – «взрывчатый»)}; 14) наименование природного вещества по его признаку, обозначенному исходным качественным прилагательным {*un fluide* («некристаллическое вещество» от «fluide» – «текучий»), *un liquide* («жидкость» от «liquide» – «жидкий»)}; 15) наименование в несколько раз большего количества по отношению к меньшему на основе мотивирующего прилагательного, образованного от числительного {*un double* («двойное количество» от «double» – «двойной»), *un triple* («тройное количество» от «triple» – «тройной»)}; 16) наименование определённой области науки или искусства по признаку, обозначенному основой производящего относительного прилагательного {*la dynamique* [«динамика» (раздел механики) от «dynamique» – «динамический»]}; 17) наименование документа по признаку, названному основой базового относительного прилагательного {*un descriptif* («инструкция, описание, информация» от «descriptif» – «описательный»), *un historique* («исторический очерк, история» от «historique» – «исторический»)}.

Столь большая разница в количестве словообразовательных значений и типов в пользу французского языка свидетельствует о справедливости утверждения В.Г. Гака о том, что субстантивация на основе прилагательных в нём намного продуктивнее, чем в русском [1983].

Субстантивация на основе глагола реализуется в русском и французском языках, прежде всего, на базе такой его словоформы, как причастие. По причине лингвистических особенностей в русском языке существует словообразовательный тип, отсутствующий во французском. Наименование лица по признаку, обусловленному действием, которому оно подвергается в данный момент, в русском языке реализуется на базе страдательного причастия настоящего времени {*обвиняемый, любимый (прощаться с любимым) и т.д.*}. Аналитический французский язык, обладающий меньшим числом словообразовательных и формообразующих аффиксов, не имеет данного вида причастий, поэтому производящей базой субстантивата с подобным деривационным значением является страдательное причастие прошедшего времени {*un accusé* («обвиняемый»), *un chéri* («любимый, дорогой человек») и т.д.}.

Во французском языке существуют отглагольные субстантиваты, обладающие иными деривационными значениями и образующие словообразовательные типы, отсутствующие в русском: 1) наименование различных бытовых и лекарственных средств, характеризующихся признаком, который связан с их действием, названным основой производящего действительного причастия настоящего времени {*un désodorisant* («дезодорант» от «désodorisant» – «дезо-

дорирующий»), *un nettoyant* («чистящее средство» от «nettoyant» – «чистящий») и т.д.}; 2) наименование конкретных изделий по признаку, обусловленному их действием, названным основой мотивирующего действительного причастия настоящего времени {*un pliant* («складной стул» от «pliant» – «гнувшийся»), *un battant* («створка» от «battant» – «хлопающий») и т.д.};

Во французском языке субстантивация довольно продуктивна также на основе инфинитива. Устанавливаются следующие деривационные значения подобных существительных:

1) наименование лица по совершаемому им действию {*un conseiller* («советчик, советник» от «conseiller» – «советовать»), *un être* («существо, человек» от «être» – «существовать»)};

2) наименование пищи по действию, связанному с её приёмом в определённое время суток {*un déjeuner* («обед» от «déjeuner» – «обедать»), *un goûter* («полдник» от «goûter» – «полдничать»)}.

В синтетическом русском языке субстантивация на основе глагола в форме инфинитива не является продуктивной. К подобным случаям можно отнести лишь существительные *печь* («сооружение, в котором готовят горячую пищу, пекут») и *течь* («дыра, щель, через которую проникает, течёт жидкость»), образованные от соответствующих им глагольных словоформ *печь* («приготавливать пищу сильным сухим нагреванием на жару») и *течь* («перемещаться струёй, потоком»).

В обоих языках существительные образуются на основе числительных. В русском языке некоторые субстантиваты, образованные от порядковых числительных, обладают деривационным значением, отсутствующим во французском. Так, например, наименования блюд, подаваемых друг за другом во время обеда, представлены только в лексической системе русского языка: *первое* («жидкое блюдо, с которого начинают обед»), *второе* («блюдо, следующее после первого»), *третье* («десерт»).

Собирательные числительные, отсутствующие во французском языке, могут субстантивироваться в русском. В таком случае производные существительные служат наименованием определённого количества людей, называемого основой исходного собирательного числительного: *трое* (*работают за троих*), *семеро* (*семеро одного не ждут*) и т.д. Во французском языке, несмотря на меньшее количество в нём видов числительных, существует больше словообразовательных типов, отсутствующих в русском. К ним относятся следующие: 1) наименование цифры (числа), обозначаемой исходным количественным числительным {*un deux (arabe)* [досл. «два (арабское)» – «арабская цифра «два»], *un trois (romain)* [досл. «три (римское)» – «римская цифра «три»] и т.д.}; 2) наименование игральной карты с изображённой на ней цифрой, называемой базовым количественным числительным {*le quatre (de carreau)* [досл. «четыре (бубен)»], *le cinq (de pique)* [досл. «пять (пик)»] и т.д.};

Образование новых существительных на базе служебных лексем получило гораздо меньшее распространение, как в русском, так и французском языке, ибо служебные слова, в отличие от знаменательных, лишены номинативных

значений. Транспонироваться в класс существительных в обоих языках способны предлоги, союзы и частицы. Речь идёт о предлогах «за» (в значении «ради, в пользу кого-чего-либо»), «против» (в значении «не в согласии с кем-чем-либо, борясь с кем-чем-либо») и их французских эквивалентах «pour» и «contre». Среди частиц способны транспонироваться в класс существительных те из них, которые присоединяются к другим словам и не входят при этом в их состав, либо те, которые связывают слова. Толковые словари русского языка фиксируют лишь один субстантиват, образованный на основе частицы, – «нет», а толковые словари французского языка – два {«*un non*» («нет») и «*un oui*» («да»)}. В целом субстантивация более продуктивна во французском языке.

Адъективироваться могут слова различных частей речи: глаголы, числительные, существительные, наречия. Тем не менее, если во французском языке переходить в прилагательное с сохранением плана выражения могут все перечисленные части речи, то в русском – только глаголы, числительные и лишь немногие существительные. Образование прилагательных наиболее распространено и продуктивно в обоих языках на основе глагола, который переходит в прилагательное лишь в форме того или иного причастия, что проявляется в утрате или изменении функций грамматических категорий последнего – вида, времени и залога, а также в утрате глагольного управления.

При совпадении многочисленных деривационных значений и словообразовательных типов имеются, однако, некоторые межъязыковые различия. Например, в русском языке существуют страдательные причастия настоящего времени, отсутствующие во французском. На основе таких производящих причастий возможно образование прилагательных, обозначающих относительный признак лица или предмета по действию, которому оно или он подвергается в данный момент либо постоянно, без утраты причастиями функций грамматических категорий (*незаменимый работник, невыносимый человек, неподражаемый артист; недостижимая вершина, непромокаемый плащ, видимая сторона Луны и т.д.*). Во французском языке, однако, адъективированное порядковое числительное «*troisième*» («третий») имеет переносное лексическое значение «пенсионный», отсутствующее у его русского эквивалента {*le troisième âge* (досл. «*третий возраст*» – «*пенсионный возраст*»)}. Переход существительных в класс прилагательных представляет собой частое явление во французском языке и исключительное в русском. Причина различия заключается в том, что во французском языке морфологические показатели слов данных частей речи совпадают, а в русском прилагательные, как правило, обладают особыми аффиксами. Так, в «Словаре современного русского литературного языка» в 17-и томах (БАС). лексема «бордо» толкуется следующим образом: «1. Бордо, нескл., ср. Сорт красного вина. 2. Бордо, нескл. прил. Тёмно-красный (от цвета вина бордо)». Лексема «люкс» в этом же словаре интерпретируется так: «Люкс, а, м. Обозначение особенно роскошных изделий, помещений и т.д. В знач. неизм. прил. *Купе-люкс. Магазин-люкс.*» [БАС]. Структура словарных статей свидетельствует о том, что лексемы «бордо» и «люкс» в первичном значении являются существительными, а во вторичном – прилагательными, следовательно,

в данном случае справедливо говорить об адъективации. Подобные морфологически не охарактеризованные прилагательные являются не исконно русскими, а заимствованными из других языков словами.

Адъективация на основе наречий возможна во французском языке, однако, она не является продуктивным подвидом конверсии, что обуславливает немногочисленность её примеров. Наречия, перешедшие в класс прилагательных, имеют следующие деривационные значения и формируют следующие словообразовательные типы: 1) обозначение качественного признака лица на основе наречия, план содержания которого связывается с качественной характеристикой действия, включающей образ действия *{elle est bien dans ce rôle}* (досл. «она хорошо в этой роли» – «она хороша в этой роли»), *un homme bien* (досл. «человек хорошо» – «замечательный человек»); 2) обозначение качественного признака предмета на базе наречия, семантически связанного с качественной характеристикой действия, включающей образ действия *{une mention bien}* (досл. «оценка хорошо» – «хорошая оценка»). В целом адъективация более продуктивна во французском языке.

Наречия в обоих языках образуются, прежде всего, на основе прилагательных. Во французском языке адвербиализация качественных прилагательных менее продуктивна, чем в русском. Французские эквиваленты многих русских прилагательных не могут переходить в класс наречий посредством конверсии. Так, например, прилагательные *«faible»* («слабый»), *«pitoyable»* («жалкий»), *«indifférent»* («безразличный»), и другие переходят в класс наречий только при помощи суффиксации. Кроме прилагательных, в русском и французском языках переходить в класс наречий могут также предлоги, однако, данный подвид конверсии в них менее продуктивен. Различие количественного потенциала мотивирующей базы является причиной несовпадения числа семантических групп наречий, образованных на основе существительных. Так, в русском языке выделяются три группы (наречия со значением качественной характеристики действия, наречия времени и наречия места), а во французском – только одна (наречия времени). Русские наречия первых двух групп образованы от словоформы существительного в творительном падеже: 1) обозначение качественной характеристики действия *{«рысью»}* (от существительного *«рысь»* - способ бега лошади или другого животного, при котором одновременно выносятся вперёд ноги передняя левая и задняя правая или передняя правая и задняя левая) [*«Ехать рысью»*]; 2) обозначение времени действия *{«утром»}* (от существительного *«утро»* – «часть суток, сменяющая ночь и переходящая в день, начало дня») [*«Встать рано утром»*]; 3) обозначение места действия *{«дома»}* (от древней индоевр. формы местного падежа ед. ч. существительного *«domō»*) [Шанский 1975] («в своём жилище, у себя в доме, у себя») [*«Сидеть дома»*]. В целом адвербиализация более продуктивна в русском языке.

В зависимости от принадлежности слов, образованных посредством узульной конверсии, к служебным частям речи в русском и французском языках существуют такие её виды, как препозиционализация, конъюнкционализация. Предлоги образуются в обоих языках на базе глагольных словоформ: дее-

причастий настоящего времени в русском (*кончая чем - «до какого-либо момента времени»*) и причастий настоящего и прошедшего времени во французском {*durant qqch* (досл. «продолжающийся» – «в течение, в продолжение чего-либо»), *passé qqch* (досл. «пройденный, проведённый» – «после, по истечении чего-либо»)}. Препозиционализация более распространена в русском языке.

Конъюнкционализация реализуется в обоих языках на основе наречий {*как* («подобно кому - или чему-либо») [*«Красный как рак»*] и его французский эквивалент *comme* («*Rouge comme une écrevisse*»)}. В работе рассматривается единственный случай отглагольной конъюнкционализации в русском языке – на основе деепричастия «хотя», ибо за пределами внимания остаётся раздельно оформленный союз «несмотря на то что», образованный на базе сочетания деепричастия в отрицательной форме глагола «смотреть» с указательным местоимением «то» и союзом «что». Глагольное происхождение союза «хотя» подтверждается в «Кратком этимологическом словаре русского языка» Н.М. Шанского, В.В. Иванова, Т.В. Шанской. В нём указывается на то, что общеславянское слово «хотя», вероятно, восходит к деепричастию, происходящему от действительного причастия настоящего времени – формы глагола «хотеть» [Шанский 1975]. В результате конъюнкционализации появился подчинительный союз «хотя», выражающий уступительные отношения «даже если, несмотря на то что» («*Я приеду к вам, хотя очень занят*»).

Однако конъюнкционализация более распространена в русском языке, ибо в нём в разряд союзов, кроме наречий, переходят ещё существительные {*благо, раз* («выражение условия совершения, существования чего-либо»).

Партикуляция отмечается только в русском языке. Она реализуется на основе глагольных словоформ {«дай» (*при глаголе первого лица ед. ч. будущего времени обозначает попытку, решение сделать что-нибудь или приступ к действию*) [*«Дай, думаю, посижу отдохну»*]}; наречий {«просто» от наречия «просто» – «без лишних сложностей, без церемоний») [*«Всё это просто ложь»*]}; существительных {«добро» от существительного «добро» в значении «нечто положительное, хорошее, полезное») [*«Добро! Сделаем по-твоему !»*]}. Партикуляция отсутствует во французском языке, ибо в нём частица служит не только для образования определённой формы слова, входя в его состав, но и для связи слов, что не свойственно лексемам знаменательных частей речи.

В общей сложности образование посредством конверсии слов служебных частей речи значительно более распространено в русском языке в силу аналитизма французского, проявляющегося также в наличии среди них многочисленных сложных форм, существование которых обусловлено морфологической неизменяемостью слова.

Интеръективация как переход слов в класс междометий, не являющихся ни знаменательными, ни служебными лексемами, устанавливается в обоих языках. Как в русском, так и во французском узуальная реализуется на основе существительных {«господи» и его французский эквивалент «*Dieu*» употребляются для выражения удивления, восторга и других чувств [*«Господи, как вы ко мне добры !»*], [*«Ah, Dieu !»*] (досл. «А, боже !» – «выражение удивления или

восторга»)}, глагольных словоформ {«здравствуй» («здравствуйте») («восклициание, от глагола «здравствовать» – «быть живым, здоровым, находиться в благополучном состоянии») [«Здравствуйте ! Они явились наконец-то!»]. Интеръективация более распространена во французском языке, поскольку, в отличие от русского, она реализуется также на основе прилагательных {«*bon*» от прилагательного «*bon*» – «хороший, добрый») [«*Bon, tu as bien fait*»] («Хорошо, ты правильно поступил»).

В целом конверсия продуктивна в обоих языках, однако, в общей сложности она более распространена во французском по причине такой его типологической особенности, как аналитизм.

Будучи узуальным видом словообразования, конверсия может носить окказиональный характер. Окказиональная конверсия, реализующаяся в произведении того или иного автора, в определённом контексте, предполагает образование индивидуальных лексических единиц в соответствии с видами узуальной конверсии. В произведениях русской и французской художественной литературы окказиональная конверсия не очень распространена, однако в произведениях русских авторов окказиональная конверсия преобладает. Причина этого заключается, очевидно, в том, что более активное употребление окказионализмов, образованных посредством конверсии, русскими авторами позволяет им полнее реализовать прагматический потенциал данного способа дериватологии, являющегося менее продуктивным в русском языке, чем во французском.

Самым частотным видом окказиональной конверсии в русских и французских художественных произведениях также является субстантивация. Окказиональные существительные, образованные от разных частей речи, позволяют автору не только называть лицо, объект материального или идеального мира, но и определённым образом характеризовать его в условиях особого контекста. Так, в стихах русских поэтов оценочно-номинативное значение субстантиватов, образованных соответственно от прилагательного и глагольной словоформы, актуализируется благодаря микроконтексту в следующих примерах:

*«Жалко им тех дурашливых, юных,  
Что сгубили свою жизнь сгоряча».*

[С. Есенин. «Снова пьют здесь, дерутся и плачут...»]

Особый интерес представляют случаи перехода в существительные глаголов в форме прошедшего времени, что не выявляется при анализе узуальной субстантивации:

*«За окном моим летали  
две весёлые свистели.  
Удалые щebetали  
куст сирени тормошили».*

[А. Левин. «Разные летали»]

Субстантивация выделенных глаголов прошедшего времени объясняется тем, что генетически они восходят к причастиям, вследствие чего они обладают не личными, а родовыми окончаниями. Категория рода является одним из характерных морфологических признаков существительных. Однако рассматри-

ваемые глагольные словоформы, употребляющиеся в функции существительного, имеют форму множественного, а не единственного числа, поэтому их принадлежность к тому или иному роду в данном случае не выражается. На неё лишь указывает форма женского рода количественного числительного «две».

Не менее интересна субстантивация деепричастий, которая также не установлена при исследовании узуальной конверсии. Она отмечается, например, в следующем стихотворении:

*«Когда **Резвяся** и **Играя**  
танцуют в небе голубом,  
одна из них подобна снегу,  
другая – рыжему огню».*  
[А. Левин. «Суд Париса»]

При восприятии данного микроконтекста только на слух может возникнуть сомнение в том, что деепричастия употребляются в нём в качестве субстантиватов. Однако его графическое оформление и отсутствие запятых, сопровождающих обычно деепричастия, позволяют понять, что выделенные глагольные словоформы в этом случае выполняют функцию существительного, называя персонажи по выполняемому ими действию.

В произведениях французских авторов окказиональный характер субстантивата может проявляться в несовпадении его значения с семантикой обладающего идентичным планом выражения узуального субстантивата, зафиксированного в толковом словаре. Приобретение существительным необычного для него значения наблюдается, например, в следующем микроконтексте:

*Rien de plus cher que la chanson grise*

*Où l'Indécis au Précis se joint».*

[P. Verlaine. Art poétique]

Выделенные субстантиваты, образованные от прилагательных, фиксируются в толковом словаре французского языка соответственно в значении «нерешительный человек» и «краткий курс». В микроконтексте они приобретают иное значение (соответственно «что-либо нечёткое, неясное» и «что-либо чёткое, ясное»), в результате чего они функционируют здесь в качестве антонимов.

Среди окказионализмов обнаружен субстантиват, образованный от глагола, в частности, от формы повелительного наклонения, на основе которой не производятся узуальные существительные. В данном случае окказиональный субстантиват утрачивает функции грамматических категорий и семантику глагола: «– Non, dit Florie. J'ai l'habitude. Pensez !... Elle s'interrompit sur ce «**pensez !**» qui évoquait la longueur de sa carrière...» («– Нет, сказала Флори. Я привыкла. Думайте ! Она запнулась на этом «**думайте !**», напоминая о продолжительности её карьеры») [S.G. Colette. Florie].

В приведённом ниже микроконтексте впечатляющий, неповторимый признак действия передаётся с помощью отсубстантивного окказионального наречия, также широко представленного в произведениях русских авторов:

*«Ах, и сам я в чаще звонкой*

*Увидал вчера в тумане:  
Рыжий месяц жеребёнком  
Запрягался в наши сани».*

[С. Есенин. «Нивы сжаты, рощи голы...»]

В произведениях французской художественной литературы после субстантивации наиболее продуктивной является не адвербиализация, а интеръективация на основе существительных. В результате её образуются окказиональные междометия, благодаря которым речь персонажей становится более выразительной и эмоциональной:

*«— ...Oui, je me damnerai pour dépouiller ma chaîne,  
Et pour pouvoir, comme eux, m'approcher de la reine  
Avec un vêtement qui ne soit pas honteux !  
Mais, ô **rage** ! être ainsi près d'elle ! devant eux !»*  
(«— ...Да, я обреку себя на вечные муки, чтобы сбросить цепи  
И чтобы, подобно им, приблизиться к королеве  
Одетым непостыдно !

*Но, о **страсти** ! быть таким образом рядом с ней ! перед ними !»)*

[V. Hugo. Ruy Blas]

Существительное «la rage» («ярость, иступлённая страсть») выполняет необычную для него функцию междометия. Его употребление помогает автору лучше передать душевное переживание главного героя произведения.

Отмечаются случаи окказиональной адъективации на основе слов разных частей речи. Так, например, А. Левин характеризует язык, которым он пишет свои стихи, следующим образом:

*Зверь мой – язык и высок.  
<...> Язык мой пятнист и велосипедист...  
<...> Зверь мой крылат и шоколад...  
[А. Левин. «Язык мой – зверь мой»]*

В микроконтексте наблюдается не характерное для узуальной конверсии употребление существительных в функции предикативных кратких прилагательных.

В произведениях русских авторов встречается адъективация глагольных словоформ, также не типичная для узуальной конверсии:

*«За ним прокрался Остравадр,  
зубаст и босиком,  
уныл, **упал** и полосат,  
и очень босиком».*

[А. Левин. «Как Остравадр украл чужую одежду»]

Употребление глагола совершенного вида «упасть» в форме прошедшего времени в одном ряду с краткими прилагательными «уныл» и «полосат» обусловливается происхождением глагола прошедшего времени из причастия.

Во французских художественных произведениях встречаются окказиональные прилагательные, образованные от существительных:

*«Vieux, que suis-je ? une loque immonde,  
C'est l'histoire du travailleur,*

*Depuis que notre monde est monde».*  
 («Старик, кто я? отвратительный, жалкий человек,  
 Это история труженика  
 С тех пор, как наш мир является **миром**»).

[E. Pottier. Jean Misère]

Здесь происходит адъективация существительного «le monde» («мир, вселенная»), а окказионализм употребляется в качестве именной части составного именного сказуемого. Наблюдается игра слов, заключающаяся в использовании лексемы «monde» в составе подлежащего и сказуемого одного предложения, что способствует упрочению представления читателя о вечности мира.

В произведениях русской художественной литературы отмечается окказиональная вербализация, не выявленная при исследовании видов узуальной конверсии. Наибольший интерес представляет вербализация существительных:

*«Когда душа **стрела** и пела,  
 а в ней уныло и стонало,  
 и ухало, и бормотало,  
 и барахло, и одеяло...»*

[А. Левин. «Когда душа стрела и пела...»]

Рождение выделенного окказионализма объясняется, очевидно, потребностью автора совместить в нём глагольную (душа стреляла) и именную семантику (лететь как стрела). Использование существительного «стрела» в функции глагола позволяет автору добиться максимальной экономии средств при достижении желаемого эффекта языковой игры, предполагающего расширение семантической структуры производного окказионализма.

В заключении подведены итоги проведённого исследования, определено, что в диссертации реализованы её цели и задачи, подтверждены положения, выносимые на защиту. Анализ видов узуальной конверсии в языке синтетического типа (русском) и в языке аналитического типа (французском) свидетельствует о том, что данный способ словообразования является продуктивным в обоих из них, однако, в общей сложности он более распространён во французском языке по причине его типологической особенности (аналитизма).

Окказиональная конверсия реализуется в произведении того или иного автора, в определённом контексте, и в большинстве случаев предполагает образование индивидуальных лексических единиц в соответствии с видами и подвидами узуальной конверсии. В произведениях русской и французской художественной литературы окказиональная конверсия не очень распространена, тем не менее, она преобладает в художественных произведениях русских авторов. Употребление окказиональных лексем, рождённых посредством конверсии, помогает автору более эффективно реализовать определённую прагматическую интенцию: охарактеризовать персонаж или объект окружающего мира, придать выразительности и эмоциональности речи, отразить настроение и мысли героя, воздействовать на читателя.

Результаты произведённого анализа свидетельствуют также о том, что в конверсии, несмотря на её универсальность, обнаруживаются особенности на-

ционального языка. Необходимость её синхронного исследования на материале различных языков с целью выявления универсального и национального определяет перспективы дальнейшего изучения данной проблемы.

**Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:**

*- в изданиях, рекомендованных ВАК:*

1. Пшеничная А.Ю. (Голубева А.Ю.). Общая характеристика конверсии как способа словообразования (на материале французского и русского языков) / А.Ю. Пшеничная // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – Ростов н/Д, 2012г. – № 1. – С. 145-151.

2. Пшеничная А.Ю. (Голубева А.Ю.). Субстантивация на основе прилагательных как узуальный вид конверсии (на материале русского и французского языков) / А.Ю. Пшеничная // Научная мысль Кавказа. – Ростов н/Д, 2012. – № 4. – С. 140-143.

3. Пшеничная А.Ю. (Голубева А.Ю.). Виды конверсии по отношению к системе языка: адвербиализация (на материале русского и французского языков) / А.Ю. Пшеничная // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – Краснодар, 2013. – № 7.

*- в других изданиях:*

4. Пшеничная А.Ю. (Голубева А.Ю.). К вопросу о конверсии / А.Ю. Пшеничная // Известия РГСУ. – Ростов н/Д, 2011. – № 15. – С. 342-347.

5. Пшеничная А.Ю. (Голубева А.Ю.). Место конверсии в классификации способов словообразования Русский язык в контексте межкультурной коммуникации. / С.М. Кравцов, А.Ю. Пшеничная // Материалы международной научно-практической конференции, посвящённой 90-летию со дня рождения профессора Е.М. Кубарева. – Самара: ПГСГА, 2011г. – С. 382-389.

6. Пшеничная А.Ю. (Голубева А.Ю.). Конверсия в словообразовании в сопоставлении с омонимией (на материале французского и русского языков). / С.М. Кравцов, А.Ю. Пшеничная // Актуальные проблемы германистики, романистики и русистики: материалы ежегодной научной конференции. – Екатеринбург: УГПУ, 2012г. – С.210-217.

7. Пшеничная А.Ю. (Голубева А.Ю.). Конверсия в словообразовании как разновидность транспозиции / С.М. Кравцов, А.Ю. Пшеничная // Актуальные вопросы французской и отечественной филологии: сборник научных трудов. – Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2012. – С. 23-33.

8. Пшеничная А.Ю. (Голубева А.Ю.). Словообразовательные значения субстантиватов, образованных от прилагательных (на материале русского и французского языков) / А.Ю. Пшеничная // Сборник научных трудов международной научно-методической конференции «Личность, речь и юридическая практика» Ростов н/Д: ДЮИ, 2013. – №16. – С. 177-180.